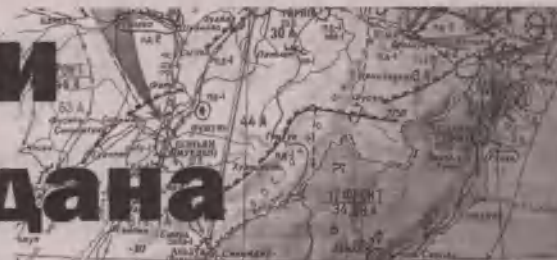

Чувство Родины, или Стихи из армейского чемодана

Лейтенант А.Н. Шапочка.

Мы знаем о событиях в годы Великой Отечественной войны на Западном фронте, знаем о победных сражениях русского солдата в Европе, но был ведь и Восточный фронт, а о нем известно не так уж много.

Елизавета ШАПОЧКА.
Фото из семейного архива

3 сентября отмечаются две великие даты – окончание Второй мировой войны (1939–1945) и победа над милитаристской Японией. Миллионная Квантунская армия была разгромлена за 24 дня, и эта операция по масштабам и результатам оказалась одной из самых значительных во всей Второй мировой войне. Об этой

короткой Восточной войне не так много пишут, однако у каждого события есть участники, а значит, есть архивы, письма, награды, личные предметы. Эти, казалось бы, обыденные вещи имеют непреодолимую силу притяжения, порождая чувство сопричастности к событию, привязанность к родительскому дому, уголку земли, где родился.

Об этом особом и непреходящем человеческом чувстве давным-давно сказал Александр Пушкин:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Ничего, что было прежде, то есть до нашего рождения, не происходило без нас. Генетически мы всегда принадлежали своему роду. Будем ли мы представлять будущее, зависит от наших поступков.

Алексей Николаевич Шапочка, воевавший в составе 17-й армии Забайкальского фронта, оставил нам личный дневник и стихи. Хранятся они в черном деревянном армейском чемодане с грубой кожаной ручкой и крупной надписью кистью на дне: «Лейтенант Шапочка».

9 августа 1945 года части Забайкальского фронта начали военные действия. Командир роты противотанковых ружей лейтенант Шапочка отличился и был награжден за боевые заслуги. Служба в Монголии, пребывание в освобожденном Китае оставили неизгладимые впечатления.

Цикл стихов «Где волны катит Керулен» стал для него заветным. В поэтическом архиве не менее трехсот стихотворений. В одних звучат боль и тревога за человека в эру космических кораблей, в других его чуткое сердце воспело степные просторы края. Стихи о войне просты и выразительны. В них – поэтическая биография.

Алексей Шапочка

«Где волны катит Керулен...»

Где волны катит Керулен,
Там взору даль всегда открыта,
Там кони с гривой до колен
Мнут степь некованым копытом.

Не видел я на той земле
Весною яблони и вишни,
Там испокон веков в седле
Проводят жители полжизни.

Там я когда-то молодым
Гостил проездом у арата,
И ветер красный нам двоим
Плескал в лицо лучи заката.

Мы ели мясо, пили чай,
Любуясь огненностью дали,
И сами, будто невзначай,
Во всем друг другу угождали.

Мы объяснялись кое-как.
Арат кивал, он понял скоро,
Что я в душе давно степняк,
Хоть до войны и был шахтером.

И я сказал себе тогда:
Глаза у друга очень узки,
Но это вовсе не беда –
Душа широкая по-русски.

Дорога

Степь, неужто правда ты без края?

Нет селений, сколько ни смотри.
За бортом грузовика мелькая,
Тарбаганьи кружатся бугры.

Куст татарника
под солнцем жарким
Головой колючею поник.
Ему снятся блеющие ярки
И прохладный утренний родник.

Только мы, солдаты, не устали
Песен забайкальских хором петь.
Нам сродни степей монгольских дали,
Нам знакома трав пожухлых медь.

Там вдали, за зыбкою каймою,
Из распадка у пологих гор,
Машет нам незримою рукою
Станция с названием Харанор.

До свиданья, милая сторонка,
Провожай, но только без тоски.
Слышь, поют о дружбе песни
Звонко
Забайкальской выучки стрелки.

Восточный аймак

Здесь самокатом пацаны
не бредят.
Он им, наверно, даже не знаком,
А в гости ездят запросто
к соседям
На лошадях, как взрослые верхом.

В июльском зное овцы смиренно дремлют,
Коровы лижут жирные бока,
И табуны коней; копыта землю,
Почуяв поезд, ржут издали.

Здесь не встречал на большаках такси я.
Арату конь сподручней и милей.
Отсюда помощь шла на фронт в Россию
От верных побратимов и друзей.

Арат и я пустили в дело жесты.
В кругу солдат стоим,
волнуясь, мы.

Спасибо, друг,
вам за носки из шерсти;
За танки, самолеты и пимы.

Над Керуленом солнце
30 А светит ласково,
Пасет в осоке утренний туман.
Из дымки вдруг всплывает
степною сказкою,
Тесня кибитки, город Чойбалсан.

Ночь в степи

Ветерок. В костре дымит аргал.
Спят солдаты. Им Россия снится.
Где-то бродит в жухлых травах пал,
Полыхая в небесах жар-птицей.

Месяц тонкий, изогнувшись в лук,
По степным неписаным законам,
Взяв Большой Медведицы укрюк,
Ловит в звездном табуне Дракона.

Тишина... Лишь только иногда,
Тайною великою покрыта,
Кубарем покатится звезда
Жеребцу земному под копыта.

Спят солдаты,
степь постлав под бок,
Синеву – на плечи вместо шубы.
У костра колдует ветерок,
На аргале обжигая губы.

*Аргал (монг.) – сухой помет скота,
применяется как топливо
в безлесных местностях Азии.

В юрте

На полу ковер, кошма,
Седла и овчины.
Околдован я стою
Сказочной картиной.

Сундучки на сундуке,
Будто пирамида,
Сверху красный патефон,
Повидавший виды.

Чуть вихляя, диск кружит,
Песня входит в душу.
Полюбила сердцем степь
Русскую «Катюшу».

И хозяин-старичок
Влисьем малахае
Угощает нас, солдат,
Жирным с солью чаем.

На стене висит портрет
В рамке скромной, плоской.
Ленин карие глаза
Шурит по-монгольски.

Всадница

Вот она где удал: на коне
С укрюком в руке сидит монголка.
Здравствуй, цирик,
улыбнулась мне
И глаза скосила, как терновки...

Здравствуй, – тихо я ответил ей,
Почему-то внутренне счастливый.
Подошел к наезднице степей
И погладил у савраски гриву.

Я уже до этого видал
всадниц, проезжавших стороною.
Все они тонули быстро вдаль,
Пوماхав радушно мне рукою.

Эта тоже, знал я наперед,
Посмотрев на русского солдата,
Вдруг коня коленом чуть толкнет
И умчится вихрем в синь куда-то.

Про себя я думал: не спеши.
Сам смотрел на груди
под халатом.
До чего ж в седле вы хороши,
Милые монгольские девчата.

На полигоне

Пробив мишень и рикошетом
От камня твякнув, как щенок,
Ложились пули с визгом где-то
На солнцем крашенный песок.

И мы пробоины считали,
За меткость гордостью полны,
А впереди синели дали
Маньчжурской вражьей стороны.

Правее нас меж сопки голых,
Там, будто молнии в грозу,
Лихие конники-монголы
Рубили в два клинка лозу.

Полдневный жар дышал нам
в лица,

Ходила шутка остряка:
«От солнца можно схорониться
В тени отлезвиги штыва».

Со стрельб шла рота чуть
вразвалку.
Летела песня в небосвод:
«Кто здесь в бою пройдет закалку,
В любом бою не пропадет».

9 августа 1945 года

Еще рассвет дремал за сопкой
И звезд далеких огоньки,
Почуяв день, светили робко
На забайкальские полки.

В распадке сонном, в полумраке
Монгольской конницы бойцы,
Давно готовые к атаке,
Коней держали под уздцы.

От ожидания сохло в глотке.
Бледнел заметно небосвод...
Вдруг, вздрогнув, танки,
самоходки –
Все разом двинулось вперед.

Навстречу солнцу шли солдаты,
Там, впереди, Большой Хинган.
Неотвратимый час расплаты
Несли клинки и автоматы
За Халхин-Гол и за Хасан.

Тоска

Да, Керулен, как и наш Дон,
Степняк по-своему красивый,
Я полюбил чуть слышный звон
Во время скачек в конской гриве.

Я полюбил башлык зари
На редкость радужно-пунцовый,
Когда над степью он вдали
На крыльях день выносит новый.

Я там солдатом службу нес:
Стрелял, окопы рыл лопатой,

И ветер бил в глаза до слез,
Но степь ни в чем не виновата.

Недаром в сердце я храню
Ту песню, что в роте часто пели.
...Мне б повидать в степи зарю
И встретить молодость в шинели.

Я б отдал низкий им поклон
И поспешил бы спозаранок
На тот давнишний полигон,
Чтоб там нарвать букет саранок.*

*Саранки – цветы монгольских степей.

Память

Не забыть во веки мне страны
С ветром шалым и поземкой злою.
Там коней гривастых табуны
До травы копытят снег зимою.

А весной, синь вдохнув в себя,
Громко ржут жеребьи кобылы,
И сосут молозиво, сопя,
Жеребята, набираясь силы.

Ночью выйдет сонная луна,
Чтоб воды из озера напиться,
И застынет в гриве скакуна
Нежная, как вымя кобылицы.

Где-то даст автомобиль гудок –
Кони в гурт собьются поплотнее.
И проснувшись, тихий ветерок
Ржание тревожное развеет.

Не забыть во веки мне страны
С первозданной, нежною красою.
Там коней гривастых табуны
До травы копытят снег зимою.

Милая Монголия

Милая Монголия... В тиши
Предвечерней синие озера.
Там, у вас, осталась часть души,
Сердца часть донецкого шахтера.

Керулен привольный и Онон!
Братья по оружию, солдаты!
Мы всегда дышали в унисон
Песне дружбы, что навеки святы.

Милые саранки, и ты, степь!
К вам любовь вовеки не остынет.
Вы – как в вешмешке солдатском хлеб,
Вы – как в сене запахи полыни.

1970-е годы.